

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-6.21>

Лобанова Нина Исааковна

ЭВОЛЮЦИЯ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ: ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

Статья посвящена анализу проблемы рациональности. Проводя параллели между тем, какую форму принимает развитие в случае животного и человеческого существования, автор ставит вопрос о том, какое место занимает феномен рациональности в контексте эволюции вообще и истории в частности; раскрываются взаимосвязи этого явления с такими сущностными чертами человека, как свобода и сознание, и уточняется роль (участие) данного феномена в организации и становлении собственно человеческого бытия. Методологической основой исследования послужило социологическое учение Макса Вебера о типах рациональности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/6/21.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 6(92) С. 88-93. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/6/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Модели типа «социальный организм» или «социальный механизм», напротив, довольно быстро исчерпывают свой эвристический потенциал обращением к внешним аналогиям и главным образом служат для наглядного отображения и демонстрирования общественно-исторической реальности под мыслительной перспективой биологического организма или объектов, изучаемых в рамках физических наук. С их помощью проще построить целостную картину социально-исторической реальности.

Список источников

1. Будникова Н. С. Этические взгляды М. Вебера на профессиональную деятельность ученого // Вестник Бурятского государственного университета. 2017. № 5. С. 36-43.
2. Вебер М. Город // Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994. С. 309-446.
3. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 345-415.
4. Волжина О. И. Идеально-типическая модель семьи как предмет социологии культуры // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 202-207.
5. Гайденко П. П., Давыдов Ю. Н. История и рациональность. Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991. 367 с.
6. Комиссаров И. И. Использование модели абстрактного механизма в социально-философском познании (на примере договорных концепций Т. Гоббса и Дж. Локка) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 83-86.
7. Комиссаров И. И. Механистические общественные модели А. Кетле и Г. Ч. Кэри: сравнительный анализ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 4 (18). С. 144-149.
8. Комиссаров И. И. Организационная модель Г. Спенсера: актуальность подхода // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6 (69). С. 320-325.
9. Писарчик Л. Ю. Методология социального познания М. Вебера // Вестник Оренбургского государственного университета. 2009. № 7. С. 93-103.
10. Hesse M. B. Models and analogies in science. Notre Dame: University of Notre Dame Press, 1970. 184 p.

**MODELING IN SOCIAL AND HUMANITIES COGNITION:
MAX WEBER'S IDEAL-TYPICAL CONSTRUCTIONS**

Komissarov Ivan Igorevich, Ph. D. in Philosophy
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovski
ivankomissar@list.ru

The article considers Max Weber's ideal-typical model in social and humanities cognition. Basing on the distinguishing features of this model, the definition of "ideal type" is given. The comparative analysis is carried out between the ideal-typical model and models built using external analogies – the social organism, the social mechanism, and so on. As a result of the comparison, the author reveals that modeling by means of ideal types has a greater heuristic value than modeling with the help of physical or biological models.

Key words and phrases: ideal type; model; social organism; social mechanism; external analogies; social and humanities cognition.

УДК 101.1:316

Дата поступления рукописи: 17.05.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-6.21>

Статья посвящена анализу проблемы рациональности. Проводя параллели между тем, какую форму принимает развитие в случае животного и человеческого существования, автор ставит вопрос о том, какое место занимает феномен рациональности в контексте эволюции вообще и истории в частности; раскрываются взаимосвязи этого явления с такими сущностными чертами человека, как свобода и сознание, и уточняется роль (участие) данного феномена в организации и становлении собственно человеческого бытия. Методологической основой исследования послужило социологическое учение Макса Вебера о типах рациональности.

Ключевые слова и фразы: эволюция; рациональность; свобода; историчность; рационализация; сознание.

Лобанова Нина Исааковна, к. филос. н.

Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева
nanakrasnoyarsk@yandex.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ И РАЦИОНАЛЬНОСТЬ:
ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ**

Транзитивный характер современной эпохи, многочисленные социальные и культурные трансформации, сопровождающиеся релятивизацией и плюрализацией ценностей, с одной стороны, и деконструкцией привычного, традиционного образа человека, с другой, делают актуальным обращение к трудам классиков

социальной философии и социологии в надежде отыскать методологические инструменты, адекватные для познания современной реальности. Творческое наследие М. Вебера не является исключением, доказательством тому служат не прекращающиеся появляться в научной печати статьи, посвященные исследованию его взглядов, концепций, идей (см., например, работы Н. А. Деминой [3], А. П. Павлова [Там же], Д. В. Катаева [6], Х. П. Мюллера [9], В. В. Радаева [11], Д. О. Труфанова [14], Р. Т. Убайдуллаевой [15], Т. Тягуновой [16; 17]).

Вместе с тем, несмотря на пристальное внимание, проявляемое исследователями к творчеству выдающегося немецкого социолога, незамеченным остается вопрос о том, какова модель человека в теории рационального действия М. Вебера. Разумеется, социологическое учение Вебера имеет своим предметом прежде всего человеческое социальное поведение. Однако размышление о поведенческих актах предполагает в качестве исходного некоторое представление о человеческой природе, которая и определяет, в конечном счете, логику поведения.

Вследствие этого цель данной статьи может быть определена как попытка прояснить, какую роль в формировании специфической человеческой природы, способной к рациональному действию (и согласованному рациональному поведению), играет рациональность.

Достижение указанной цели потребует обращения к анализу соотношения двух серий понятий: «сознание», «рациональное действие», «рациональность», с одной стороны, и «историчность», «эволюция», с другой. Обращение к социально-философскому и логико-понятийному анализу понятий позволяет выявить имплицитную системность человеческой природы, являющейся своеобразным медиатором между двумя понятийными рядами, каждый из которых по отношению к ней выступает в качестве конституирующего принципа.

Целесообразно начать исследование с анализа одной из ключевых антропологических особенностей человеческого существа, выделяющей его из целого ряда других живых существ, а именно – историчности. Это понятие в XX в. вошло в категориальный инструментарий марксизма и экзистенциализма, получив различные смысловые наполнения, соответствующие их исходным мировоззренческим и методологическим установкам. Однако, несмотря на принципиальные расхождения, в том, как представители марксизма и экзистенциализма интерпретируют понятие «историчность», есть много общего, поскольку оба направления в качестве главной составляющей данного понятия выделяют «развитие», ср.: 1) «Под историчностью социального бытия Маркс понимал способность человеческого бытия к развитию» [7, с. 5] и 2) «Историчность в экзистенциализме Ясперса – это единство простой наличности человека и содержащихся в его существовании возможностей развития в подлинную экзистенцию» [Цит. по: 5].

Исходя из этого, в соответствии с задачами данной статьи мы можем дать следующее предварительное определение историчности: это такой способ существования, когда единственным постоянным признаком оказываются непрекращающиеся качественные изменения. Иными словами: становление, логика которого определяет формирование и развитие человеческого естества, оказывается условием и одновременно способом человеческого бытия.

На этот аспект проявления историчности и ее конститутивную роль в формировании человеческого существа указывают М. Хайдеггер и Х. Ортега-и-Гассет. Так, согласно М. Хайдеггеру, тот факт, что «человек имеет историю, не есть случайное обстоятельство, но представляет собой способ человеческого бытия» [Цит. по: 4]. Х. Ортега-и-Гассет высказался об этом еще определенной: «У человека нет природы. Человек обладает не природой, а историей. Или – другими словами – чем природа является для вещей, тем история является для нас» [10, с. 467].

Итак, необходимость непрерывных качественных изменений и преобразований вписана в качестве императива в условия человеческого существования. Но животное тоже включено в общий процесс становления. Чем процесс становления животного отличается от человеческого? Или, точнее: почему становление можно рассматривать как специфически человеческий способ бытия (бытийствования), если животные также вовлечены в этот процесс?

Наверное, подобная постановка вопроса является не совсем верной. Потому что специфически человеческой особенностью, отличающей его способ бытия от всех других, оказывается не само становление, а та форма, в которой оно проявляет себя, если речь идет о людях, – то есть история. Что касается животного, то единственная форма, в которой ему оказывается доступно становление, – это эволюция.

Впрочем, эволюция – это общая характеристика процесса развития всего живого и человека в том числе – настолько, насколько он как живое существо является частью природы, в то время как история – исключительно человеческий способ бытия. Животное лишено истории, или, вернее, оно вовлекается в историю чисто внешним образом: она случается с ним или же он «попадает в историю», но никак ее не творит. С эволюцией животное, кажется, связано более тесно. Но и здесь не все так просто: если различные события, выпадающие на долю животного, остаются для него «только поводом, внешним способствующим или препятствующим (его действию. – *Н. Л.*) обстоятельством» [1, с. 70], то принципы эволюции, отвечающие за воспроизводство и развитие данного вида, можно расценивать как имманентные, то есть необходимо присущие самой природе животного и неотделимые от нее, в отличие от трансцендентной – по отношению к данному виду и его непосредственным потребностям – цели эволюции, о которой животное не ведает и которая лежит за границами его возможных интересов.

Однако если принять во внимание тот факт, что инстинктивная поведенческая программа является такой же объективной данностью, как и обстоятельства внешней среды, и тем самым оказывается предопределена – навязана – ему, с этой точки зрения принципы, заключенные в самой природе животного (формирующие

и порождающие ее), оказываются таким же внешним стимулом, как и условия окружающей среды: перед тем и другим он поставлен, как перед фактом, с которым вынужден считаться.

Иначе говоря: внутренние принципы развития, воплощенные в особенностях его природы, сформированной в ходе эволюции, так же трансцендентны в отношении животного, как и общая эволюционная цель: и то, и другое заранее задано, загодя предпослано ему, и они образуют предначертанный и предопределенный способ существования, особенностью которого является то, что цель и способ ее достижения, а также потребности, которые служат обоснованием его действия, скоординированы природой. То есть с целью и средствами ее достижения животное имеет дело как с данностью: действующая и целевая причины, а также способы их реализации детерминированы правилами игры – инстинктивной программой поведения, принципы работы которой животное изменить не в силах. Это означает, что у животного нет своей воли и своей цели, помимо предусмотренной его биологической программой.

С появлением человека ситуация меняется. Отличительная особенность его исторического бытия проявляется в изменении отношения к исходным условиям своего существования: в постепенном овладении тем, что раньше воспринималось только как данность, в появлении возможности проведения работы с тем, что раньше автоматически предпосылалось и бессознательно срабатывало в тебе.

Различные инстинктивные потребности, выступающие у животного в качестве непрекаемого биологического императива, у человека становятся побуждениями, которые «советуют», склоняют к одному либо к другому, но не могут принуждать. Возникающая ситуация неопределенности формирует возможность и одновременно задает необходимость выбора оснований для своих действий, которые не столько отбираются из числа существующих, сколько переиссоздаются заново.

По сути дела, все историческое развитие человека можно рассматривать как процесс формирования или последовательную смену качественных оснований своих действий (такой вывод позволяет сделать теория социального действия М. Вебера), между которыми, несмотря на все их различие, можно заметить нечто общее: неуклонное расширение горизонта возможностей отбора не только в том, что касается действующих причин, но и в отношении причин целевых.

Говоря другими словами: выход из животного состояния обернулся для человека тем преимуществом, что он получил возможность намечать и достигать новые цели, недоступные в условиях прежней системы отсчета (в качестве которой попеременно оказывается аффективное действие → традиционно-ориентированное → ценностно-рациональное → и целерациональное поведение), а это, в свою очередь, предполагает смену оснований. И наоборот: формирование новых исходных оснований для своих действий в рамках новой системы отсчета расширяет допустимые пределы пространства постановки целей.

Смена оснований «состоит в смене установки» [8, с. 384]: обычное поведение животных сориентировано биологическими потребностями и возникающими на их основе целями; в человеческом сообществе появляется новый вид действий – «действия, ориентированные смыслом» [1, с. 84]. То есть у человека действие может быть направляемо целью как таковой только в том случае, если эта цель имеет какой-то смысл: если она наделена значимостью, выделяющей ее из всех других со-возможных целей.

Иначе говоря, отличие смысловой ориентации от ориентации на основе потребностей состоит в том, что в первом случае человек реагирует «не на сами воздействия», а на «определенные значения» [13, с. 37], которые с ними связаны и которые становятся смысловой основой поведения. Однако, если те или иные значения определяют поведение произвольно (поскольку приняты как данность), то в этом случае о собственно человеческом действии говорить нельзя. Человеческое поведение (в собственном смысле этого слова) возникает, когда «налицо сознательная выработка конечных ориентиров действия и последовательная планомерная ориентация на них» [1, с. 85]. Это отличает человеческое действие как от традиционного и аффективного поведения, имеющих место в человеческом обществе, так и от их аналогов в животной среде.

Но что создает для человека возможность реагировать «не на сами воздействия», а на «определенные значения», которые с ними связаны? Что позволяет ему переориентировать свои действия подобным – смысловым – образом? Что определяет, что более значимым для человека становится не само воздействие – в качестве физического раздражителя, а его значение? Чем обусловлена такая перестановка приоритетов? Согласно концепции М. Вебера, социальное человеческое действие (например, охота) отличается от аналогичных действий животных тем, что в человеческом случае действие является «сознательно ориентированным» [Там же, с. 84]. Это означает, что тем, что направляет действие (задает цель, определяет способы ее достижения и т.п.), является не привычная биологическая программа, а сознание.

Биологическая программа задает систему приоритетов, в соответствии с которой значимыми чертами поведения «нормального» животного оказываются предсказуемость, регулярность, повторяемость, то есть постоянство – в общем все то, что позволяет предвидеть поведение противника. Биологическая инстинктивная программа формулирует систему значений, определяя, что и при каких условиях будет являться значимым для животного, а что – нет. Тем самым она задает некие ориентиры, стандарты поведения животного, но сама она в эту систему не входит => суду значений не подлежит: можно установить функцию, которую она выполняет, но нельзя сказать, что она имеет большее или меньшее значение, потому как она вообще находится за границами сферы смысла и поэтому остается скрыта, невидима: животное ориентируется на уже заданные параметры, но ничего не знает о том, что их задает.

С сознанием ситуация иная: оно задает систему значений, в которую оказывается включено оно само и в соответствии с которой оно само оценивается.

Другими словами: можно сказать, что действия животного сориентированы биологической программой, но нельзя – что сама биологическая программа выступает для них ориентиром. В то время как, если речь идет о сознании, важным является не столько то, что оно ориентирует действия социального человека, сколько то, что сама сознательная ориентация, помимо указанной выше ориентации посредством сознания, включает в себя и ориентацию на сознание (обращение к нему как к некоему руководящему принципу), то есть сознание не только создает систему значений (которая от инвариантной системы значений животных отличается альтернативностью), но и само наделяется значением, вследствие чего и ориентация на сознание (выбор его в качестве исходного, определяющего основания своих действий) приобретает ценность и весомость.

Правда, поначалу сознание ведет себя еще не вполне по-человечески: человек, будучи сознательным существом, продолжает воспроизводить в условиях человеческого общества тип поведения, усвоенный в условиях жизни в природе. Здесь уместно вспомнить о сходстве, которое имеет место между традиционным поведением, наблюдаемым в человеческом обществе, и инстинктивным, наблюдаемым в животной среде: указанное средство объясняется тем, что в основании той и другой модели поведения лежит программа, биологическая или социальная (культурная), в соответствии с которой действующий на ее основе субъект представляет собой биологический либо культурный автомат.

Собственно человеческое (= осознанное) поведение имеет совершенно иную природу: место программы занимает выбор. Реакции животных, конечно, тоже не столь однозначны и отличаются значительно – по сравнению с действием механических автоматов – большим разнообразием и гибкостью, однако эта вариативность входит в условия программы, принципы работы которой не постулируются и не обсуждаются. В случае человеческой ситуации характер выбора меняется: его условия больше не задаются автоматически. Предметом анализа становится механизм совершения выбора: внимание сознания, прикованное к правилам, установкам, в соответствии с которыми этот выбор делается (и на основании которых он оценивается как «правильный», «легитимный» и т.п.), направлено на переформулирование самих принципов отбора. С этой точки зрения, последовательно сменяющие друг друга на протяжении всего исторического развития аффективное, традиционное, ценностно-рациональное и целерациональное типы действий представляют собой разные модели принятия решений, то есть за поведенческими различиями, в каждом из четырех случаев, стоит разница в основаниях (принципах, создающих возможность и одновременно устанавливающих условия) выбора.

Характеризуя последние две разновидности социального действия, М. Вебер пишет, что тот, кто действует ценностно- или целерационально, «действует не аффективно (в частности, эмоционально) и не традиционно» [Там же, с. 85], здесь «налицо сознательная выработка конечных ориентиров» [Там же]. Участие сознания в постановке и выборе целей означает, что изначально они не определены или, во всяком случае, уже не представляются индивиду чем-то само собой разумеющимся. Возникает ситуация неопределенности, требующая своего разрешения, то есть выбора. Выбор (который в условиях процесса рационализации «приравнивается акту сознания» [8, с. 619]) «означает отказ от обычая, утвержденной веками роли» [Там же, с. 367]. Последнее («отказ от обычая...») примечательно тем, что является ключевой характеристикой ценностно- и целерационального действия в их отличии от действия традиционного и аффективного.

Другими словами, сознание и созданная им ситуация выбора меняют на определенном этапе весь ход исторического процесса, задают иной вектор развития человеческой истории, которая оказывается одновременно процессом рационализации самого человеческого существа, на всем протяжении которого человек учится переходить от навязанной извне каузальной связи явлений к «сознательной смысловой ориентации» [1, с. 84] (или, вернее, он учится переводить каузальные связи в смысловые).

Этот процесс, охарактеризованный М. Вебером как «проявление всеобщей рационализации жизни» [Там же, с. 13], означает увеличение дистанции по отношению к исходным условиям своего существования, появление возможности и необходимости самоориентации своего действия: появление возможности самому определять ориентиры для своих действий, не предусмотренные его биологической программой, формулирование и осознание принципов саморегуляции собственного поведения.

Смысл процесса рационализации, тем самым, раскрывается как возрастание свободы и независимости по отношению к изначально природно данному, как формирование и развитие способности (вырабатывание установки) «к сознательному овладению ситуацией» [8, с. 384].

Возрастание рациональности¹ повышает роль механизмов управления и контроля, или, правильнее будет сказать, что механизмы управления и контроля меняют свою суть: это уже не биологическая программа

¹ Поскольку понятие рациональности обладает определенной поликонтекстуальностью, оно может трактоваться по-разному: в некоторых ситуациях (если брать понятие «рациональность» с точки зрения динамической перспективы) оно оказывается близким по смыслу к понятию рационализации; если же понимать рациональность как «эффективную деятельность по достижению поставленных целей» [1, с. 16], то в этом случае понятие «рациональность» с небольшой натяжкой можно воспринимать в качестве синонима понятия «рациональное действие». Однако если рассматривать понятие «рациональность» как универсальную человеческую способность и одновременно характеристику человеческого способа бытия, в которой реализуется сущностная своеобразность *Homo Sapiens*, тогда соотношение понятий «рациональное действие» и «рациональность» будет уместнее интерпретировать по аналогии с отношением части к целому, с этой точки зрения «рациональное действие» являет собой практический аспект (процесс) реализации и актуализации рациональности.

или традиции (то есть нечто безличное и объективное, господству которого мы подчиняемся в силу естественной необходимости или от того, что «так принято»). Механизмы управления и контроля персонифицируются и субъективируются, присваиваются самим субъектом, центром управления становится сознание индивида. Говоря другими словами, в процесс управления и контроля впервые вводится процедура принятия решений, которая раньше не входила в сферу компетенции органа, осуществляющего надзор (по отношению к традиции или биологической программе бессмысленно об этом говорить: и то, и другое действует по принципу «так заведено», следовательно, обращаясь к ним, мы сможем понять, каким образом нечто протекает, но не сможем объяснить «почему? на каком основании?»).

Правда, впоследствии при переходе от «индивидуально и осмысленно понимаемых процессов к процессам сознательно рационально организуемым» [1, с. 78] формируется новый вид зависимости: взамен обусловленности анонимными принципами биологической программы или традиции образуется зависимость от не менее безличных принципов и правил «научного мышления» [Там же, с. 391]. Однако именно возникновение этого нового, не встречающегося в животной среде, вида зависимости освобождает от каузального подчинения природно (привычно) данному (к слову сказать, именно расширение независимости «от социальных, культурных, исторических и др. условий своего существования», прослеживаемое в последовательной смене одного типа рационального действия другим, позволяет Стивену Кольбергу сделать вывод о том, что рациональность во всех своих проявлениях является «универсальной человеческой способностью», «антропологической чертой человека как такового» [18, р. 1148]).

Еще одна характерная особенность рационального подхода (точнее, тех требований, которые рациональность в качестве установки предъявляет к действию) заключается в следующем: действие, чтобы быть социальным и человеческим одновременно, должно быть осмысленным, прозрачным, не только в том, что касается поставленных целей и избранных для их достижения средств, но и относительно исходных оснований самого действия (то есть постепенно – исторически – формируется действие¹ (ценностно- и, в особенности, целерациональное), подпадающее под сознательное описание [19, р. 38], или, говоря словами Макса Вебера, действие, по отношению к которому возможен акт понимания [1, с. 75]).

Если мы попытаемся описать семантическое поле понятия «рациональный», то мы увидим, что в разных контекстах в качестве синонимов к нему даются такие прилагательные, как «разумный», «сознательный», «осмысленный», «целесообразный»; и, соответственно, его антонимами (а значит, синонимами понятия «нерациональный») будут прилагательные: «бессознательный», «неразумный», «бессмысленный», «нецелесообразный». Но у М. Вебера просматривается еще одно значение понятия «рациональный»: нечто, противоположное автоматизму. Рационализация действия, в таком случае, означает преодоление инерции традиции, биологической программы и порождаемой ими (их инерцией) произвольностью и машинальностью. Иначе говоря, меняются условия совершения действия: непреложным условием реализации (успешного – в рамках традиции или биологической программы действия) является его бессознательность, автоматичность, машинальность, произвольность. С изменением установки на рациональную то обстоятельство (блокировка бессознательности и автоматизма), которое должно было бы препятствовать его исполнению, становится в новой ситуации главным условием возможности его осуществления. При этом трансформируется и понятие действия: из условия совершения труда (работы, которая производится с помощью того или иного действия (= механизма)) оно превращается в самостоятельный акт труда (то есть само действие начинает рассматриваться как затраченное усилие = осуществленный труд).

Итак, рационализация действия означает увеличение удельной доли участия сознания в происходящих процессах, характер которых существенно меняется: из самопроизвольных, возникающих и протекающих стихийно (независимо от воли и желания индивидов, в них вовлекаемых), они превращаются, или, вернее, они постепенно сменяются, вытесняются процессами искусственно организованными, спланированными самими индивидами, на основе их «опыта и размышлений» [Там же, с. 391].

Рационализация, рассмотренная в этом ключе, предстает как способ организации человеческого бытия в качестве именно человеческого. История тогда выступает не только альтернативным животному способом существования, но и неизбежной (в смысле сущностно-необходимой) формой проявления рационализации (точнее, условием, способом постепенного становления последней в качестве определяющего параметра человеческого бытия (в этом случае, отмечает Стивен Кольберг, само «понятие рационализации расширяется до уровня универсально-исторического измерения» [18, р. 1150])).

В свою очередь, эволюция раскрывает себя как подлинно целенаправленный (а значит рациональный) процесс – только реализуясь в качестве истории. Иначе говоря: рационализация становится той формой, которую принимает эволюция в человеческом случае.

¹ Поскольку мы все время говорим о типах рациональных действий, уместно было бы коснуться вопроса о том, совпадают ли типы рациональности с типами рационального действия. Однако такая постановка вопроса звучала бы слишком прямолинейно, так как выражение «типы рациональности» излишне акцентирует момент разделения, размежевания одного типа рациональности от другого, дифференцируя их между собой вплоть до внутривидовых разновидностей, в то время как «веберовскую типологию человеческих действий», отмечает Ю. Н. Давыдов, следует рассматривать не с точки зрения их соответствия определенным типам рациональности, а, скорее, как последовательность, в разной мере воплощающую степень возрастания или убывания рациональности как таковой [2, с. 1].

Рациональность, таким образом, оказывается не частной особенностью, отличающей феномен современной западной цивилизации от всех остальных, а всеобщей, «универсальной характеристикой» [1, с. 20] человеческого существования, затрагивающей основы человеческого бытия и вовлекающей в поле своего притяжения «самые разнообразные сферы жизни» [18, р. 1150].

Список источников

1. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4-х т. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 1. 445 с.
2. Давыдов Ю. Н. Макс Вебер и проблема интерпретации рациональности [Электронный ресурс]. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/448/877/1219/davidoff-veber-rationality-article-1.pdf> (дата обращения: 26.05.2018).
3. Демина Н. А., Павлов А. П. Рациональность как основа репрезентации социальной реальности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 8 (14). Ч. 2. С. 71-75.
4. Историчность [Электронный ресурс] // Философия: энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. А. А. Ивин. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/477/ИСТОРИЧНОСТЬ (дата обращения: 26.05.2018).
5. Историчность [Электронный ресурс] // Философский энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Е. Ф. Губский. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/477/ИСТОРИЧНОСТЬ (дата обращения: 26.05.2018).
6. Катаев Д. В. Концепция рационального действия М. Вебера и современная экономическая социология // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 2 (28). Ч. 2. С. 74-78.
7. Кондрашов П. Н., Любутин К. Н. Понятие историчности в философии К. Маркса // Философия и общество. 2012. № 4. С. 5-22.
8. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
9. Мюллер Х. П. Рациональность, рационализация, рационализм. От Вебера к Бурдьё? // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 1. С. 16-42.
10. Ортега-и-Гассет Х. История как система // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь Мир, 1997. С. 437-479.
11. Радаев В. В. Хозяйственная мотивация и типы рациональности // Социологический журнал. 1997. № 1-2. С. 183-200.
12. Рациональность [Электронный ресурс] // Большой толковый социологический словарь. URL: https://explanatory_sociological.academic.ru/1661/РАЦИОНАЛЬНОСТЬ (дата обращения: 26.05.2018).
13. Смелзер Н. Социология. М.: Феникс, 1994. 688 с.
14. Труфанов Д. О. Рациональность как социологическая проблема. Постнеклассический (универсальный) подход // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 60-69.
15. Убайдуллаева Р. Т. О социальной рациональности и ее типах // Социологические исследования. 2013. № 11. С. 10-17.
16. Хабермас Ю., Тягунова Т. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 3-24.
17. Хабермас Ю., Тягунова Т. Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2009. Т. 8. № 3. С. 37-60.
18. Kalberg S. Max Weber's Types of Rationality: Cornerstones for the Analysis of Rationalization Processes in History // The American Journal of Sociology. 1980. Vol. 85. № 5. P. 1145-1179.
19. Oakes G. Max Weber on Value Rationality and Value Spheres // Journal of Classical Sociology. 2003. Vol. 3. Iss. 1. P. 27-45.

EVOLUTION AND RATIONALITY: CROSSING POINTS

Lobanova Nina Isaakovna, Ph. D. in Philosophy

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev
nanakrasnoyarsk@yandex.ru

The article is devoted to the analysis of the rationality problem. Drawing a parallel between the form that development takes in the case of animal and human existence, the author raises the question of what place the phenomenon of rationality occupies in the context of evolution in general and history in particular. Turning to the notion of “rationalization”, the paper reveals the interrelations of this phenomenon with such essential features of a man as freedom and consciousness, and, accordingly, specifies the role (participation) of the phenomenon in the organization and formation of the human being proper. The methodological basis of the study is Max Weber’s sociological study on the types of rationality.

Key words and phrases: evolution; rationality; freedom; historicity; rationalization; consciousness.